

6. Хармс Д. Цирк Шардам: собрание художественных произведений. – СПб., 2001.
7. Ямпольский М. Беспамятство как исток (Читая Хармса). – М., 1998.
8. Яснов. М. Поверх реальности // Ионеско Э. Собр. соч. Между жизнью и сновидением. – СПб., 199.

A. Frolova

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF A PLAY "THE LESSON" BY EJEN IONESCO AND A POEM "THE WINDOW" BY DANIL KHARMS

Abstract. In this article the detailed comparative analysis of a play "The lesson" by Ejen Ionesco and a poem "The Window" by Daniil Kharms is carried out. The special attention is given to revealing of different nuances thanks to which ones the same motives get various shades. The topicality of the work consists in the fact that such research hasn't been done before.

Key words: an analysis, a plot, discourse, a play, a poem, poetics.

УДК 82-54

Хоруженко В.А.

ФОРМИРОВАНИЕ МИФОЛОГИЗИРОВАННОГО ОБРАЗА ВРАГА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ И ПРОПАГАНДЕ*

Аннотация. В статье рассматриваются методы формирования мифологизированного образа врага в политической русскоязычной публицистике. Анализируется оппозиция «свое – чужое», которая является основанием для формирования образов «врагов» и «друзей». Подчеркивается, что демонизация образа соперника или конкурента, придание этому образу звериных или демонических черт, является одним из наиболее популярных методов создания образа врага как зеркального, отрицательного двойника личности или группы лиц. «Враг» предстает таким образом гостем из «антимира», чужого, перевернутого пространства, часто изображается как носитель «бесовского» начала, как шут или скоморох.

Ключевые слова: образ врага, мифологизация, свое, чужое, мир, антимир, демонизация.

Создание мифологизированного образа врага – распространенный прием политической публицистики и популярная политическая технология. Врагом может быть объявлен другой человек, группа людей или несовершенная человеческая природа. Враг может быть внутренним или внешним, личным или коллективным, явным или скрытым. В идеале враг должен быть таким, чтобы «обслуживать» максимальное число людей.

Мифологизированный образ «врага» внедряется в массовое сознание посредством публицистических текстов, а также целой

системы мер агитационно-пропагандистского и административного характера. «Образ врага», присутствующий в массовом сознании, сплачивает общество вокруг харизматического лидера, вождя, заставляет временно забыть или ослабить внутригосударственный конфликт по линии «власть – общество».

Наличие в массовом сознании мифологизированного «образа врага» помогает компенсировать ошибки правящей элиты в экономической и социальной сфере. Перед лицом реальной или мнимой угрозы общецивилизационного, этнического или национального масштаба население демонстрирует покорность правителю, обладающему статусом «отца», «защитника», «вождя». Как показывает историческая судьба России, активизация в народном сознании «образа врага» всегда укрепляла существующую политическую систему. Однако мифологизированный «образ врага» представляет собой обоюдоострое идеологическое оружие. Это оружие способно поразить своих же создателей. Поэтому манипуляции с данной идеологической категорией являются чрезвычайно опасными.

При визуализации «образа врага» в массовом сознании идеологи приписывают этому реальному или воображаемому противнику звериные черты или физические уродства. Мифологизированный образ врага замещает собой в коллективном сознании реальный образ представителя другой страны или другой национальности.

На важную роль и необходимость создания образа врага обращал внимание еще

* © Хоруженко В.А.

Г. Зиммель. По мнению этого философа, существование «врагов» в качестве обязательного элемента необходимо для поддержания эффективного единства членов группы и для осознания ими этого единства как одного из своих жизненных интересов.

Георг Зиммель рассматривал вражду как особый феномен, являющийся содержанием и формой жизни, человеческого бытия. На основании анализа феномена вражды, присутствующего в философских трудах Зиммеля, строит свои выводы современная конфликтология. Зиммель понимал вражду как одну из мировых стихий, оказывающих влияние на общество и личность. Формами вражды могут быть экономическая конкуренция, научная дискуссия, спор, игра, состязание сторон в суде и т. д. По мнению Зиммеля, вражда присутствует в экономике, политике, религии, семейных отношениях и любви. Свои рассуждения Зиммель иллюстрировал известной поговоркой «Все люди – враги», которая, по мнению философа, так же верна, как и афоризм: «Все люди – братья».

Как утверждал Зиммель, вражда основана на «духе противоречия», который может возникнуть даже между самыми близкими людьми, на «оппозиционном инстинкте». Этот «оппозиционный инстинкт» влияет на поведение человека, который зачастую утверждает себя, унижая и отрицая другого.

Одной из ключевых в философском творчестве Зиммеля является статья «Человек как враг». В этой статье философ рассказывает о тех мелких, порой смехотворных поводах, которые могли быть причиной глубокой, длившейся годами и столетиями вражды. В качестве исторических примеров Зиммель приводил борьбу партий «Правой» и «Левой» руки в Индии, «Алой» и «Белой» Розы в Англии. Во многих таких случаях поводы для вражды были искусственными, случайными, а сама вражда представляла собой выплеск социального напряжения.

Магометане и индусы живут в Индии в постоянной, латентной вражде и отмечают ее тем, что магометане застегивают свое верхнее платье слева направо, а индусы – справа налево, что на общих трапезах первые усаживаются в круг, а вторые – в ряд, что бедные магометане используют в качестве тарелки одну сторону листа, а бедные индусы – другую. В человеческой вражде причина и действие часто до такой степени находятся вне связи и разумной пропорции, что невозможно правильно понять, является ли мнимый предмет спора его действительным поводом или все-

го только выходом для уже существующей вражды», – писал Георг Зиммель [2, с. 502]. И продолжал: «Что касается, например, отдельных процессов борьбы между римскими и греческими партиями в цирке, разделения на партии единосущего и подобносущего, борьбы Алой и Белой розы, – то невозможность обнаружить какое-либо рациональное основание для борьбы заставляет нас по меньшей мере сомневаться в ее смысле. В целом создается впечатление, что люди никогда не любили друг друга из-за вещей столь малых и ничтожных, как те, из-за которых один другого ненавидит» [2, с. 503].

В политической публицистике концепт «врага», как правило, соответствует определенным критериям, которые И.Б. Гасанов сформулировал следующим образом: «Враг изображается: чужаком, агрессором, безликой опасностью, богоненавистником, варваром, ненасытным захватчиком, преступником, садистом, насильником, воплощением зла и уродства, смертью. При этом главное в «образе врага» – это его полная дегуманизация, отсутствие в нем человеческих черт, человеческого лица. Поэтому «абсолютный враг» практически безличен, хотя может персонифицироваться... «Концепт врага» понуждает к заведомо неразумным и неоправданным действиям, которые в свою очередь оправдываются тем, что «врагу» приписываются еще более злостные намерения, в результате чего возникает заколдованный круг враждебности» [1, с. 23].

Сравнение врага с чудовищем, а врагов – с многоголовой гидрой, характерное и для Великой Французской революции, и для Октябрьской, стало причиной появления словосочетания «гидра контрреволюции». Словосочетание «гидра контрреволюции» не сходило с полос большевистских газет все годы гражданской войны. Речь, конечно, шла не о реальной гидре – водяном животном крошечных размеров, а о мифологическом девятиголовом чудовище – Лернейской гидре. Согласно древнегреческому мифу, Геракл убил ужасное девятиголовое чудовище – лернейскую Гидру, у которой отсеченные мечом головы мгновенно отрастали снова. Геракл срезал свирепые головы чудовища и приказал своему оруженосцу, мальчику Иолаю, тотчас прижечь свежие раны факелом, чтобы головы не отросли.

Впрочем, причиной возникновения советского мифа о многоголовой «гидре контрреволюции», у которой отрубленные головы тотчас же вырастают, послужили и некото-

рые свойства реальной гидры. Это водяное животное можно разрезать на сто частей и бросить в воду, и из каждой части вырастет новая гидра. Поэтому полная и окончательная «победа» над «гидрой» практически невозможна.

Интересно, что в эпоху Великой Французской революции наравне со словосочетанием «гидра контрреволюции» употреблялись словосочетания «гидра революции» (в лагере роялистов), «гидра анархии» (в лагере жирондистов) и «гидра аристократии и духовенства» – у сторонников Робеспьера. «Враги» и «заговорщики» сравнивались якобинскими ораторами с чудовищами, обитающими в аду, чем подчеркивалась демоническая, нечеловеческая сущность противников. Таким образом происходила дегуманизация образа врага, этот образ лишался всего человеческого и приобретал сатанинские черты.

С «исчадием ада» сравнивал Шарлоту Корде, убившую кровожадного революционера Марата, его сторонники – «маратисты». Гражданин Гиро, маратист, так говорил о несчастной Шарлоте Корде на заседании Конвента: «Чудовище, более отвратительное, чем те, что обитают в аду, беги отсюда, беги в пустыню, бреди по острым скалам, по раскаленному песку, не имея ни пищи, ни воды, и пусть для утоления жажды у тебя будет только кровь, а для утоления голода – трупная плоть, которую у тебя будут оспаривать тысячи червей!» [5, с. 224].

При этом пропагандисты – сторонники и поклонники убитого Марата – часто сравнивали Шарлоту Корде с фурией, принявшей женский облик. На митингах санкюлоты говорили: «О, чудовище! Любезный пол, оно приняло твои соблазнительные формы; оно облачилось в твои достоинства; оно позаимствовало у тебя твою трогательную речь. Чудовище, изрыгнутое Каном, Шарлотта Корде, была одним из тех, которые использовали ее, чтобы сократить дни Марата» [5, с. 225].

Как и в случае с «замаскировавшимися врагами народа», образы которых присутствовали в пропаганде сталинской эпохи, в этом пропагандистском тексте, сочиненном монтаньярами почти три века тому назад, враг уподобляется «сатанинскому отродью», надевшему чужую «личину», «маску». «Враг» понимается как существо из «антимира», лишенное человеческих черт: поэтому к нему нельзя испытывать жалость и сострадание. Шарлотта Корде изображалась якобинской пропагандой как «огромная, мужеподобная бабица из Нормандии», чудовищно уродли-

вая и мерзкая. Естественно, что всех, кому удалось увидеть ее на суде или перед казнью, ожидало приятное удивление. В свою очередь, противники Марата сравнивали этого фанатичного и безжалостного революционера с обезьяной (Бриссо), хищной птицей (Редерер), гиеной (Арман из Меза), насекомым (Левассер), тигром (Буало), бешеной собакой (мадам Ролан), «припадочной рептилией» (Баррас). Такие зоологические уподобления должны были дегуманизировать образ Марата, окончательно лишить революционера человеческих черт. Последнее было, впрочем, достаточно легко сделать: исключительная жестокость Марата давала все основания для подобных сопоставлений. Шарлотта Корде, напротив, сумела растрогать даже членов Революционного трибунала.

В России о словосочетании «гидра контрреволюции», уже использованном французскими революционерами, вспомнили в сентябре 1918 г., после покушения на В.И. Ленина, которое большевики сравнивали с покушением на Марата. ВЧК в «Обращении к трудящимся» от 3 сентября 1918 г., появившемся в связи с покушением на В. И. Ленина, призвала раздавить гидру контрреволюции.

Широкую известность получил пропагандистский текст В. Маяковского о «гидре контрреволюции»:

1. Жила-была гидра, у гидры такая голова.
2. Снес эту голову Февральской революции вал.
3. А у гидры вторая голова: буржуй толсторожий.
4. Октябрьская революция и эту оторвала тоже.
5. А у гидры новые головы имеются.
6. И этих отшибли красноармейцы
7. А у гидры — голова наново.
8. Идите! мурло отшибем паново.
9. И чтоб больше никем не оглявилась гидра.

Надо, чтоб с корнем гидру рабочий выдрал» [4, с. 94].

Нумерация строчек этого пропагандистского текста из «Окон сатиры РОСТА» воспроизводит количество голов Лернейской гидры (девять). В последней строке нумерация отсутствует, поскольку десятая голова не выросла – их вырвали с корнем («Надо, чтобы с корнем гидру рабочий выдрал»). Маяковский использовал мифологизированный образ «гидры контрреволюции», популярный во французской якобинской среде, и наполнил его новым смыслом. Однако в основ-

ном использование этого образа Маяковским сродни трактовке Марата, который каждое утро в своей газете «Друг народа» требовал все новых и новых отрубленных голов контрреволюционеров.

Приведем соответствующий пример. «Повторяю, у вас остается только одно средство спасения отечества. **Шесть месяцев назад пятьсот-шестьсот голов** было достаточно для того, чтобы отвлечь вас от разверзшейся пропасти. Теперь, когда вы глупо предоставили своим **непримиримым врагам** составлять **заговоры** и приводить их в исполнение, понадобится, быть может, срубить их от **пяти до шести тысяч**. Но даже если бы пришлось срубить **двадцать тысяч голов**, нельзя колебаться ни одну минуту» [5, с. 61], – писал Марат в своей газете «Друг народа». За этим пропагандистским текстом стоит пресловутый образ «гидры контрреволюции», у которой отрубленные головы тут же вырастают – причем в арифметической прогрессии. Этих голов становится все больше и больше: сначала «Геркулес Великой Французской революции» – Марат – предлагал срубить пятьсот-шестьсот голов, потом 5-6 тысяч и, наконец, двадцать тысяч.

В современной русскоязычной публицистике мифологизированный образ врага может использоваться в качестве метафоры, за которой стоит желание представить идеальную политику без отношений “друг-враг”, свести любые конфронтационные отношения к минимуму или вовсе их устранить. Так, протоиерей Антоний Ильин в статье журнала «Фома» под названием «У России должны быть национальные интересы» утверждает следующее: «У России не должно быть врагов и друзей, а должны быть, прежде всего, национальные интересы» [3]. И продолжает: «Враг – ситуативная категория, это тот, кто мешает продвижению этих самых национальных интересов, а иных у здорового государства и быть не может. Друзья и враги завтра поменяются местами, а интересы останутся. Что до союзников, лучший ответ дан более столетия назад, у России этих союзников двое – армия и флот» [3]. Главными врагами России Ильин называет, впрочем, бюрократию, казнокрадство, пьянство, дураков и дороги. Таким образом, концепт «враг» нейтрализуется за счет обращения к грехам и порокам россиян, которые и являются их подлинными врагами – как внешними, так и внутренними.

Эффективный способ устранения мифологизированного образа врага из общественного сознания состоит в том, чтобы ней-

трализовать оппозицию, которая извечно существует в истории как борьба между народами или государствами. Тогда во главу угла ставится гуманистический принцип “плохих народов нет, а только есть плохие люди”. Так, писатель и публицист Виктор Ерофеев в беседе-интервью утверждает следующее: «Тема врагов России – это неисчерпаемая тема, потому что эта тема, которую, к сожалению, использует власть для того, чтобы нас всех испугать, сказать: вот враг России там живет – и в Эстонии, и в Грузии, и на Западной Украине, и так далее. Но когда приезжаешь на эту Западную Украину, то почему-то замечаешь, что люди, наоборот, интересуются, прекрасно разбираются в русской культуре. Но им не нравятся определенные, очень четкие аспекты политики. А самая подлость большая заключается в том, что государство говорит: «Вы тоже Россия». То есть соединение России как государства и страны приводит к тому, что возникает эта манипуляция. Если вы против каких-то аспектов государственной политики, то вы и есть враги России, кто бы вы ни были: американцы, итальянцы, сами русские или же эстонцы и так далее. И здесь это тоже часть сознания имперского, а иногда и часть сознания бывших кагэбистов, наших уважаемых или неуважаемых, которые существуют в видоизмененной форме и сейчас» [8]. Подобные высказывания можно назвать примером гуманистического устранения мифологизированного образа врага в современной русскоязычной публицистике.

Мифологизированный образ расового врага, присутствующий в политической публицистике и пропаганде, обусловлен факторами иноэтнической культуры, а также фактором антропологически очевидной инородности представителей этой агрессивно заявляющей себя на чужой территории культуры. Расовыми врагами для Руси были татаро-монголы, черты лица и образ поведения которых стали ненавистными для множества русичей. Расовым врагом для немцев стали евреи, стремительно переселявшиеся на территорию Австро-Венгрии, а затем и славяне, которые получали преимущества во властных институтах и в области религии. В формировании образа расового врага немцев сыграла свою роль и Польша, которая внесла свой вклад в унижение Германии и отторжение у нее исконных территорий. Никакие антропологические теории не смогли в дальнейшем остановить ненависть немцев к славянам. Только жестокое поражение во второй мировой войне заставило немцев более спокойно

взглянуть в глаза русским и увидеть в них достойного противника, а не дикие азиатские толпы.

Как отмечает современный исследователь феномена политического врага А.И. Пригожин, «соперничество между представителями или выразителями разных групп строится на механизме взаиморефлексии. Это не означает прямого и непосредственного действия, направленного на достижение своих целей, а предполагает предвосхищение ожидаемых действий соперников, в результате чего конкретное решение может далеко отходить от цели, так как рассчитывается с учетом его воздействия на поведение соперников (если я так, то он эдак, поэтому я иначе...)» [6, с. 55].

Мифологизированный образ врага постоянно размывается политическими технологиями представителей группы, от имени которой действуют политические активисты. Если «Мы» - группа должна удерживать образ врага и постоянно воспроизводить энергетику вражды (вплоть до силового противостояния), чтобы оставаться политическим субъектом, то представляющие группу активисты лишь используют этот образ и энергетику для мобилизации группы и для достижения преимуществ в конкуренции за удержание «политического капитала».

«В современной России образ расового врага выражается в таком простонародном понятии, как «лица кавказской национальности». Именно выходцы с Кавказа, как считает большинство русских, ведут себя вызывающим образом на территории центральной России, превратив созданное трудом поколений русских людей в предмет торга, а на юге России открыто осуществляя геноцид славянского населения (не только в Чечне, но и почти во всех остальных северокавказских республиках)» [7], – пишет исследователь и публицист А. Савельев. Мифологизированный образ расового врага активно используется в современной отечественной публицистике и часто приводит к эскалации конфликта между русскими и выходцами из кавказских стран.

В контексте требований политической корректности в русскоязычной прессе используется не только мифологизированный образ врага, но и близкие, но не имеющие негативной окраски образы – такие как «оппонент», «конкурент», «соперник». Фигурирование таких понятий, как «конкурент», «оппонент» и «соперник», не подразумевает физического уничтожения «врагов» и глобального напряжения между странами и народами.

Более того, использование понятий «оппонент» и «соперник» часто снимает политическую и идеологическую напряженность, вводит в современную русскоязычную прессу образ политкультурного мира, где противоречия и конфликты между странами и народами не обостряются, а сглаживаются и регулируются. Гражданские общества по всему миру сотрудничают на основе общих этических ценностей и здравого смысла. В итоге формируются общественные группы, основанные на международной, а не только на национальной кооперации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гасанов И.Б. Национальные стереотипы в межнациональном конфликте. Сущность и развитие противоречия: Автореф. дисс... канд. политич. наук. – М., 1994.
2. Зиммель Г. Избранное. Том второй. Созерцание жизни. – М., 2008.
3. Ильин А. У России должны быть национальные интересы // Фома. – № 11/43. – Ноябрь 2006 г.
4. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М., 1955–1961. – Т. 3. «Окна» Роста, 1919–1922. 1957.
5. Морозова Е. Шарлотта Корде. – М., 2009.
6. Пригожин А.И. Методы развития организаций, – М., 2003.
7. Савельев А. Образ врага. Расология и политическая антропология // <http://www.savelev.ru/book/?ch=406>
8. <http://www.svobodanews.ru/Transcript/2007/06/23>

V. Horuzhenko FORMATION MYTHOLOGICAL IMAGE OF THE ENEMY IN POLITICAL PUBLICISM AND PROPAGATION

Abstract. In the article author examines the methods of formation mythological image of the enemy in the Russian-speaking political journalism. We analyze the opposition's "own-somebody else" (friend or foe), which is the basis for forming images of "enemies" and "friends". It is emphasized that the demonization of the image of a rival or opponent, adding to this image bestial or demonic features is one of the most popular methods of creating an enemy image as a mirror, a negative double of the person or group of persons. The enemy is presented in such a way as a guest of the "anti-world", a strange, the inverted space, often portrayed as a carrier of "devils" nature, as a fool or buffoon.

Key words: image of enemy, mythologization, own, somebody else's, world, anti-world, demonization.